

Ученик обвиняет старшего брата Хай Цюншаня!

Хэ Чуми, стоявший рядом, сжал кулаки: «Юэ-цзунь, умоляю вас, будьте милосердны, пошлите кого-нибудь на поиски младшего брата! Он наш товарищ, он не должен погибнуть в этом тайном царстве...»

Вань Лайцзин, сохраняя внешнее спокойствие, смотрел на Юэ Бочжи, но слегка нахмуренные брови выдавали его волнение. Будучи первым старшим братом, перед Юэ Бочжи он мог лишь затаить дыхание и ждать.

«Какое решение примет Юэ-цзунь? — думал он. — Если он прикажет не искать, смогу ли я что-нибудь предпринять?»

Пока все были погружены в свои мысли, Юэ Бочжи наконец заговорил. Его голос был холоден, как иней: «Тот ученик, о котором вы говорите... это он?»

Не успел он договорить, как занавес паланкина поднялся.

Юэ Бочжи полулежал, оперевшись на лечебную подушку, и кончиками пальцев перебирал свежеччищенные семена лотоса ледяной души.

А в шаге от него, на мягкой кушетке, свернувшись калачиком, лежал Те Хэнцю. Бледный, с кровоточащей раной на правой руке, он был тяжело ранен.

При виде этой сцены у всех отвисли челюсти. На мгновение воцарилась гробовая тишина.

Хэ Чуми сначала замер, а затем его глаза вспыхнули от радости, и он срывающимся голосом крикнул: «Младший брат! Он жив!»

Вань Лайцзин тоже вздохнул с облегчением: «К счастью, Юэ-цзунь вовремя вмешался, иначе последствия были бы ужасны».

Хай Цюншань же, словно поражённый молнией, застыл на месте.

Подавив панику, он выдавил из себя улыбку и с трудом произнёс: «Юэ-цзунь мудр. Младшему брату повезло, что вы его спасли».

Юэ Бочжи равнодушно взглянул на него, но ничего не сказал.

Он легко взмахнул рукой, и занавес паланкина снова опустился, скрыв происходящее внутри.

«Тайное царство скоро закроется. Уходим», — голос Юэ Бочжи был по-прежнему холоден.

Вань Лайцзин больше не колебался и повёл учеников за собой.

Паланкин плыл впереди. Те Хэнцю, сидевший внутри и прижимавший руку к ране, сказал: «Спасибо, Юэ-цзунь, что спасли меня».

Юэ Бочжи, подняв бровь и посмотрев на осколки нефритовой таблички на полу, произнёс: «Не ожидал, что моя табличка так быстро тебе пригодится».

Те Хэнцю, прикрыв рот кулаком, закашлялся: «Я тоже не ожидал... что такое случится...»

«Эта табличка одноразовая, — равнодушно сказал Юэ Бочжи. — Ты просил спасти тебе жизнь, я спас. На большее не рассчитывай».

Те Хэнцю понял: он попросил о спасении, и Юэ-цзунь спас ему жизнь — и только.

«Спасение» Юэ Бочжи ограничилось минимумом — он не дал ему умереть на месте. Но его раны, его боль — всё это Юэ Бочжи не волновало.

Рана всё ещё кровоточила, боль была невыносимой, но Юэ Бочжи не пошевелил и пальцем, чтобы исцелить его, лишь поддерживая в нём жизнь.

Юэ Бочжи, оперевшись на подушку, чистил семена лотоса ледяной души.

Его пальцы были длиннее, чем у обычного мужчины, холодная бледная кожа обтягивала кости, и, когда он чистил семена, его суставы изгибались под острыми углами. Это было завораживающее зрелище.

Те Хэнцю не мог отвести глаз.

Юэ Бочжи поднял веки и раздавил скорлупу семечка большим пальцем. Раздался треск — словно предупреждение, чтобы тот не пялился.

Сердце Те Хэнцю ушло в пятки. Он тут же опустил голову: «Юэ-цзунь, я просто хотел сказать... я с детства работал в поле, чистить семена лотоса я умею. Если вы не против, я могу сделать это для вас».

Рука Юэ Бочжи, чистившая семена, замерла. Он опустил взгляд на руки Те Хэнцю.

Тот, проследив за его взглядом, тоже посмотрел на свои руки. Пальцы были в крови и грязи, раны ещё не зажили и кровоточили.

Разве такими грязными руками можно чистить семена для Юэ-цзуня?

Он горько усмехнулся: «Простите... я был невежлив».

Юэ Бочжи положил семечко обратно в позолоченную чашу, где уже лежало несколько десятков кристально чистых семян.

Затем он взмахнул рукой, и поток духовной энергии, словно вода, омыл руки Те Хэнцю.

Боль в ранах мгновенно утихла, окровавленная повязка сама собой отделилась, обнажив зажившую кожу. Он с удивлением посмотрел на свои руки: кровь и грязь исчезли, пальцы стали чистыми.

Те Хэнцю хотел поблагодарить, но Юэ Бочжи опередил его, подвинув к нему чашу.

Те Хэнцю понял: это приказ работать.

Конечно, Юэ Бочжи не стал бы исцелять его из милосердия.

Он сделал это, чтобы заставить его работать.

Он понял, он принял, и он был даже рад.

Он молча принялся чистить семена для Юэ Бочжи.

Тот, полулежа в паланкине, наблюдал за его движениями. Лицо его оставалось холодным, но он не торопил и не делал замечаний.

Казалось, ему было всё равно, но в то же время он был доволен покорностью Те Хэнцю.

Чистя семена, Те Хэнцю украдкой взглянул на Юэ Бочжи.

Он думал, что делает это незаметно, но их взгляды встретились.

Сердце Те Хэнцю дрогнуло, пальцы разжались, и семечко упало на мягкую подушку.

Он тут же опустил голову: «Простите, я был неосторожен. Прошу, накажите меня».

Юэ Бочжи взглянул на упавшее семечко и легко взмахнул рукой. Алая птица тут же влетела в паланкин.

Она дважды клюнула, и скорлупа раскололась.

«Ты хуже маленькой птички», — с усмешкой сказал Юэ Бочжи.

«Алая птица — божественное создание, мне с ней не сравниться», — почтительно ответил Те Хэнцю.

Хотя Алая птица была проворной, послушанием она не отличалась.

Расколов скорлупу, она тут же проглотила семечко, не собираясь отдавать его Юэ Бочжи.

Те Хэнцю вздохнул с облегчением: «Похоже, она не отнимет у меня работу».

Юэ Бочжи усмехнулся и, согнув указательный палец, погладил птицу: «Эта Алая птица — большая лакомка. Если бы не это, она бы не стала отбирать у тебя тот ржавый колокольчик».

Услышав, как Юэ Бочжи внезапно упомянул об этом, Те Хэнцю похолодел. «Так он всё знает! Значит, и то, что Алая птица отобрала у Хэ Чуми траву Ди Сю, тоже не было случайностью».

«Тот человек так тебя подставил, а ты его спас?» — продолжил Юэ Бочжи.

Те Хэнцю, опустив глаза, задумался, а затем, подняв голову, с невинным видом спросил: «О чём вы, Юэ-цзунь? Ученик глуп и не понимает».

Юэ Бочжи несколько мгновений изучал его лицо, но Те Хэнцю выглядел совершенно естественно: глаза ясные, невинные, даже с ноткой испуга — всё было идеально.

Юэ Бочжи, усмехнувшись, отвёл взгляд: «Раз не понимаешь, то и ладно. Но как ты упал с обрыва, ты ведь знаешь».

Услышав это, Те Хэнцю втайне вздохнул с облегчением. Он опустил голову, в его глазах промелькнула хитринка, но, подняв их, он выглядел совершенно несчастным: «Ученик... эх... — он запнулся и вдруг всхлипнул. — Я низкого происхождения, и то, что меня не любят, — это естественно. Но я никак не мог подумать, что пятый старший брат...»

Он уже собирался выложить всё о Хай Цюншане, но тут Юэ Бочжи приложил руку ко лбу и

закрыл глаза, всем своим видом показывая: «Я устал, мне неинтересны твои бредни».

Те Хэнцю тут же замолчал и снова принялся чистить семена.

Ногти впивались в нежную мякоть стручка, окрашивая кончики пальцев в зелёный цвет.

Ему вдруг захотелось рассмеяться — его лицо сейчас, наверное, было таким же зелёным.

У ворот Школы Сокрытого облака, заложив руки за спину, стоял глава школы Юнь Сыгуй в синем одеянии.

Рядом с ним — несколько старейшин, все с серьёзными лицами, их взгляды были прикованы к возвращающимся ученикам.

Горный ветер развевал их одежды и доносил шум сосен.

Вскоре появился Вань Лайцзин с группой учеников.

Юнь Сыгуй окинул их взглядом и, не увидев Те Хэнцю, спросил: «А где Хэнцю?»

Вань Лайцзин шагнул вперёд и поклонился: «Докладываю наставнику, младший брат был ранен в тайном царстве. Его жизни ничего не угрожает, но он не может передвигаться. Сейчас он отдыхает в паланкине Юэ-цзуня, под его личной опекой».

Услышав это, все замерли от удивления.

Ведь Юэ Бочжи был известен своей холодностью и замкнутостью, он редко с кем-то общался, не говоря уже о том, чтобы о ком-то заботиться.

То, что он лично спас Те Хэнцю, казалось невероятным.

Особенно Хай Цюншань. Он был уверен, что Те Хэнцю — беззащитное ничтожество, но, к его удивлению, Юэ Бочжи не только спас его, но и взял в свой паланкин.

Он стоял в толпе, нахмурившись, его взгляд бегал, а в голове роились мысли: «Как такой человек, как Юэ-цзунь, мог обратить внимание на Те Хэнцю? Может, у этого парня есть какие-то тайные покровители? Или... он уже что-то рассказал Юэ-цзуню?»

От этих мыслей лицо Хай Цюншаня помрачнело, и его охватило беспокойство.

Он знал, что Юэ Бочжи силен, влиятелен и, что самое главное, у него скверный характер.

Если Те Хэнцю действительно заручился его поддержкой и рассказал о его проступках, последствия будут ужасны.

Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки, в глазах промелькнула злость.

«Нужно срочно что-то придумать, — пробормотал он. — Нельзя дать этому парню подняться...»

В этот момент облачный паланкин, словно лёгкое облачко, опустился перед воротами.

Занавес поднялся, и из паланкина вышел Те Хэнцю.

Все смотрели на него, каждый со своими мыслями.

Те Хэнцю поклонился Юнь Сыгую: «Ученик приветствует наставника!»

Тот шагнул вперёд и поддержал его: «Ты ранен, не нужно церемоний. Отдыхай».

Те Хэнцю почувствовал на своей спине ледяной взгляд — это был Хай Цюншань.

Этот взгляд был холоден, как у змеи, и полон неприкрытой враждебности.

Он знал, что если ничего не предпримет, Хай Цюншань придумает новую подлость.

Глубоко вздохнув, он посмотрел на Юнь Сыгую: «Наставник, хоть я и был ранен, но я многое приобрёл в этом походе. Особенно ценными были наставления Юэ-цзуня. Но... у меня есть одно дело, не знаю, стоит ли говорить».

Юнь Сыгуй, подняв бровь, сказал: «Говори, не стесняйся».

Те Хэнцю кивнул и, обведя всех острым взглядом, остановился на Хай Цюншане. Его голос был слаб, но слова — чётки и весомы: «Я обвиняю пятого старшего брата Хай Цюншаня в покушении на убийство!»

Услышав это, все вздрогнули.

Особенно Юнь Сыгуй и старейшины, их лица помрачнели.

Ученики же не были сильно удивлены: неприязнь Хай Цюншаня к Те Хэнцю была очевидна.

К тому же, все знали, что за его дружелюбной маской скрывается жестокий человек.

Лишь такой простак, как Хэ Чуми, считал его хорошим.

Вспомнив события в тайном царстве, все поняли: когда Те Хэнцю попал в беду, Вань Лайцзин хотел пойти на помощь, но Хай Цюншань отговорил его, ссылаясь на опасность.

Теперь его поведение казалось очень подозрительным.

Хэ Чуми был поражён больше всех. «Цюншань, ты...» — с недоверием посмотрел он на него.

Хай Цюншань холодно усмехнулся: «Я этого не делал!» — затем, повернувшись к Хэ Чуми, с нежностью сказал: — «Ты забыл, я собирал для тебя травы, а потом всё время был у твоего шатра».

Услышав это, сомнения на лице Хэ Чуми рассеялись.

Те Хэнцю и остальные посмотрели на Юнь Сыгуя, ожидая его решения.

Тот, немного подумав, посмотрел не на Те Хэнцю и не на Хай Цюншаня, а на облачный паланкин: «Бочжи, раз уж ты его спас, ты что-нибудь видел?»

Все замерли и тут же повернулись к паланкину.

То, что Юнь Сыгуй не стал допрашивать никого из участников, а обратился к Юэ Бочжи, казалось странным.

Но Те Хэнцю тут же всё понял.

Юнь Сыгуя не интересовала правда, как и тогда, на вступительном испытании.

Он не будет расследовать, он будет взвешивать.

Тогда он решил, что Хай Цюншань и Хэ Чуми важнее, и не стал заступаться за безродного Те Хэнцю.

Сейчас, обращаясь к Юэ Бочжи, он лишь хотел узнать, пользуется ли Те Хэнцю его покровительством.

Если да, то он будет судить по справедливости.

Если нет — он снова примет сторону Хай Цюншаня.

Те Хэнцю холодно усмехнулся.

Он спокойно, но с некоторой надеждой ждал ответа Юэ Бочжи.

Хай Цюншань, хоть и выглядел спокойным, втайне сжал кулаки.

Он тоже нервничал, боясь, что Юэ Бочжи заступится за Те Хэнцю. Если это произойдёт, его положение станет очень шатким.

<http://bllate.org/book/16975/1586037>